

**КАРТИНА
ВРЕМЕНИ**



АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

НОСТАЛЬГИЯ
ПО НАСТОЯЩЕМУ

Хронометраж эпохи

Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Улисс улиц	7
Часть первая. СТАНОВЛЕНИЕ	
Моя родословная	13
Ампир – ямб Москвы	21
«Провинция»	35
Сосед	46
Мое первое стихотворение	50
«И холодно было младенцу в вертепе...»	54
Часть вторая. АРХИТЕКТУРА	
Я пишу стихи ногами	113
Стихотворение в переулке	120
Виртуальный Витрувий	127
Дыры	141
Голубой зал Кремля	161
Хамящие хамелеоны	174

Часть третья. ПОЭЗИЯ

Читайте чужие письма.	187
Деревянный ангелок.	192
Таганка – антитюрьма.	200
Зуб разума.	207
Усы «землемер».	224
Газетный снег	234
Сюр	244
Бешеный колобок.	260
Виртуальные витражи	266
Я = R.	279
Ледяное пламя	289
Портрет поэта.	296
Невстреча у источника	304
Пруст Федорович	314
Миллион раз	324
Муки музыки.	331
Архивек	344
Ездра в незнаемое	354
Есть русская интеллигенция?	361

Улисс улиц



з/к языка.

Язык – наша связь с потусторонним. Волонтаризм со словом опасен. Разве подозревал некто, наивно повесив над Москвою неуклюжие словообразования «Агробанк» и «Диамбанк», что этим он вызовет взрыв банковской системы? Но проступило: аГРОБанк и диАМБАНк. Грянул кризис.

Улисс улиц, моська московской уличной речи, я люблю устричный особняк Шехтеля, люблю прозрачные телефонные трубки переходов, положенные на Окружную. Люблю слушать наития, горящие над городом.

И приезжий заволнуется, увидев на углу Петровки призывную вывеску: «КООПИЗДАТЕЛЬСТВО». И пахнет эклером глазурированный дамский журнал «Мари Клер». И торжественно вопит со всех столичных улиц нарисованный под циферблатом слоган: «Время пошло!» Увы, не время пошло, господа, может быть, пошлы наши понятия о нем?

Поэт и проза?

Читатель ждет уж рифмы «Оза»...

Проза – это про что? Про захват заложников. Про зависть. Про зады постмодернизма. Про и контра

экспроприаторов.
Про ПРО...

Твардовский —
прозаик в поэзии.
Олеша — наоборот.

Наша проза — проза-
падная, постпрустовская.

Поэзия высвобождает
музыку, окликает
этнос.

По Эзре Паунду,
поэзия — попытка
вселенской связи, увы,
неосуществимая.

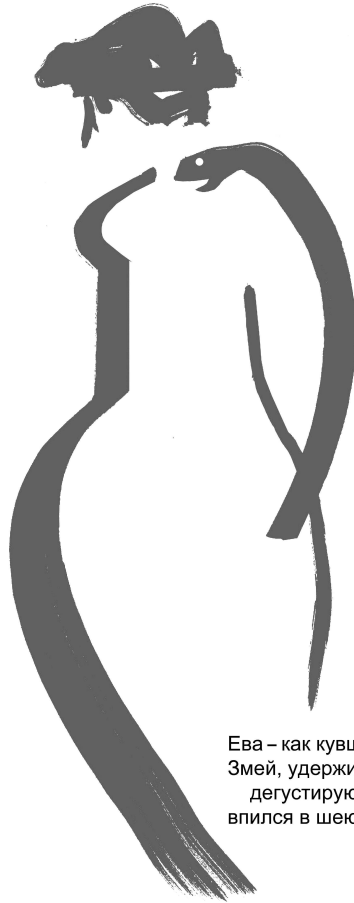
Проза поэта —
это запонки, связующие
смысл звука со звуком
смысла, эзотерическую
простоту с экзотерически
безголосым сфинксом.

Большинство про-
заиков начинали со сти-
хов. Да и первые книги
человечества — Библия,
Коран — написаны стиха-
ми. Коран — буквально.

Крупницы поэзии
наполняют смыслом
бессмысленность нашего существования. Кубик четверо-
стишия из «Марбургга», растворенный в двух хрустальных
ведрах родниковой воды про запас, стал томом «Лужина».
Так же, как строки из «Девятьсот пятого года» стали главами
«Живаго».

Поступки и судьбы рифмуются, прежде чем стать языком.

Когда я, пропетляв по проселочной, выхожу на просеку,
мне сквозь утробный рев лягушек и помехи высоковольтных
передач доносятся сигналы свыше. Я не всё в них понимаю.
Но если Бог посылает тебе сигналы, значит, твоя жизнь, твой
путь идут правильно. Других корректив я не знаю.



Ева — как кувшин этрусский
Змей, удерживая пыл,
дегустирующей ручкой,
впился в шею и застыл.

И станет видно во все края света, и разомкнутся связи, и слова, словно в Интернете, без границ табу, будут медленно кувыряться, как люди и табуретки в космосе.

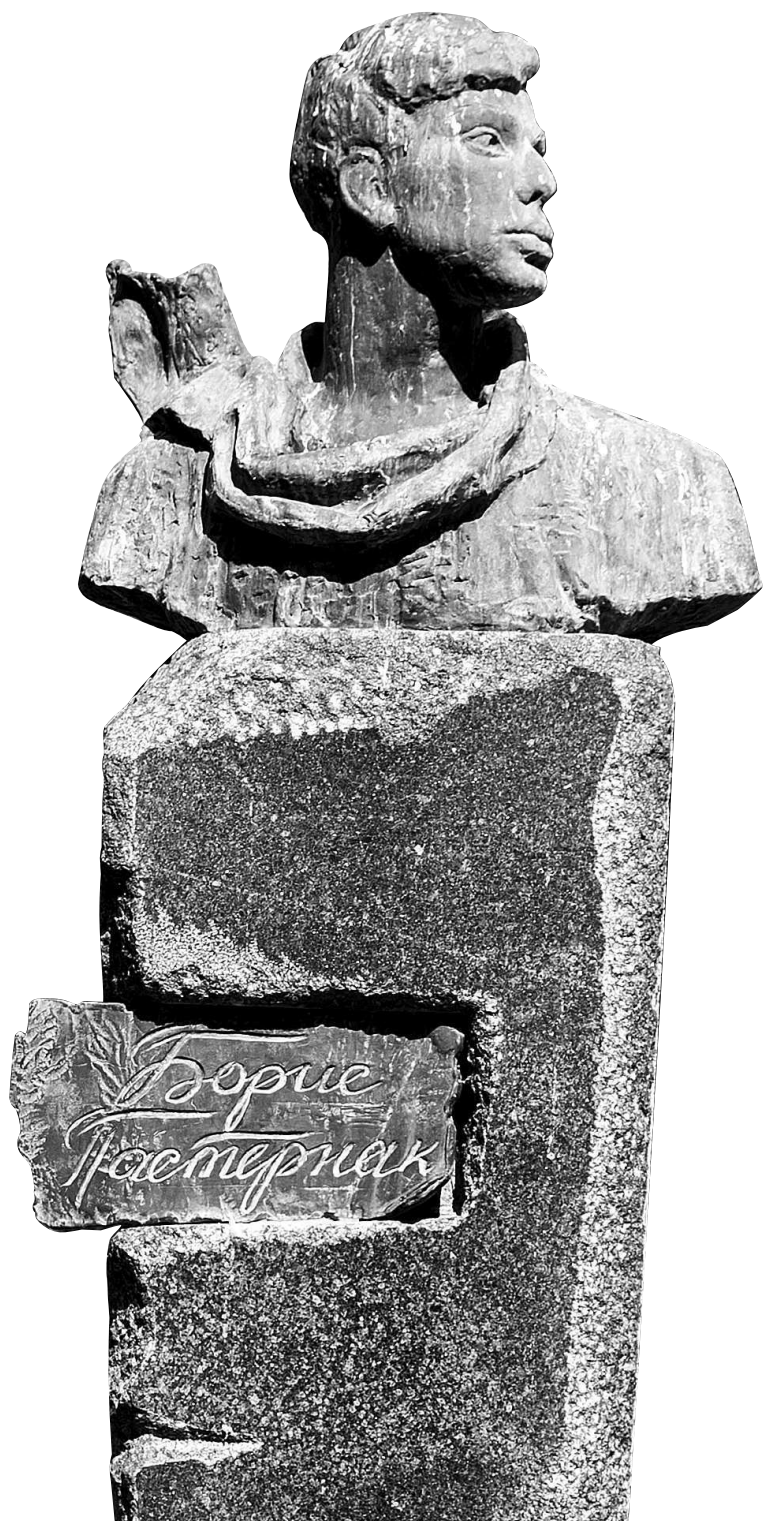
Поэзия? Проза? Праязык?

Языковая ДНК Хлебникова заключена в его «Бобэоби». Из него можно клонировать поэта, как из пушкинских строк «Пирушки...» и «Пунша пламень голубой» можно воскресить самого Пушкина. Но нужно ли?

Мы уходим в Слово, и не важно, кто является посредником — пергамент, книга или Интернет.

Я — з/к языка.





Борис
Пастернак

Часть первая

Становление

Моя родословная



Моя первая книжка вышла во владимирском издательстве. Владимирцы считали меня земляком, ибо мое детство прошло у бабушки в Киржаче Владимирской области. Когда я приехал выступать во Владимир, меня нашла редактор Капа Афанасьева и предложила издаться.

Капа была святая.

Стройная, бледная, резкая, она носила суровое полотняное платье. Правое угловатое плечо ее было ниже от портфеля. Она курила «Беломор» и высоко носила русую косу, уложенную вокруг головы венециановским венчиком. Засунутые напех шпильки и заколки осыпались на рукописи, как сдвоенные длинные сосновые иглы.

Дома у нее было шаром покати.

Они с мужем, детьми и бабушками ютились в угловых комнатах деревянного дома. Вечно на диване кто-то спал из приезжих или бездомных писателей. У нее был талант чутья. Она открыла многих владимирских поэтов. Быт не приставал к ней. Она ходила по кухне между спорящими о смысле жизни, не касаясь половиц, будто

кто-то невидимый нес ее, подняв за голову, обхватив за виски золотым ухватом ее тесной косы. В ней просвечивала тень тургеневских женщин и Анны Достоевской. На таких, как она, держится русская литература.

Когда вышла «Мозаика», грянул гром. По этой крохотной книжке было специальное разгромное постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР. Из Москвы позвонили во Владимир с требованием арестовать тираж, но уже все книжки распродали. Капу вызвали в Москву. Сановный хам, министр культуры Попов, собрав совещание, орал на нее.

Обвинения сейчас кажутся смехотворными, например, употребление слов «беременная», «лбы» квалифицировалось как порнография и подрыв основ. Министр шил политику. Капа, тихая Капа прервала его, встала и в испуганной тишине произнесла вдохновенную речь в защиту поэзии. И, не докончив, выскочила из зала. Потом несколько часов у нее была истерика. Ее уволили с работы.

В тот момент в «Неделе» шли мои набранные стихи. Мне удалось к одному стихотворению поставить посвящение ей. Это подействовало на местные власти. Они сочли, что за Капу заступился сам Аджубей, всеильный зять Хрущева, редактор «Известий». С перепугу Капу назначили главным инженером типографии, даже повысив оклад. Но талант издателя в ней был загублен. Последний раз я видел ее во Владимире, когда мы приезжали играть «Поэторию».

Ее золотой венчик, сплетенный, как ручка от корзинки, поблескивая, возвышался над креслами. Когда Зыкина под колокола пела «Мать Владимирская единственная...», она поклонилась Капе...

«Комсомолка» осенью 1997 года посвятила две полосы Капе, там она пишет, что Зыкина Капе не кланялась, а просто наклонилась подобрать на сцене упавшие листочки. Может быть. И дальше пишет, что я сошел в зал во время исполнения «Поэтории» и встал на колени перед Капой. Все может быть.

Но память об этих тяжелых днях осталась в виде вырезанной страницы во всем тираже «Мозаики». Цензура вырезала из готового тиража стихотворение «Прадед». И сделали

вклейку. Но в оглавлении так и осталось – «Прадед». Что же это за стихотворение такое, так напугавшее власти?

Стихи эти описывали моего прапрапрадеда – Андрея Полисадова, вернее, нашу семейную легенду о нем. Что я знал тогда?

ПРАДЕД

Ели – хмуры.
Щеки – розовы.
Мимо
Мурома
мчатся розвальни.
Везут из Грузии!
(Заложник царский.) Юному узнику горбиться
цаплей,
слушать про грузди, про телочку яловую...
А в Грузии – яблони...
(Яблонек завязь
гладит меня.
Чья это зависть
глядит на меня?!)
Где-то в России
в иных переменах,
очи расширя,
юный монах
плачет и цепи нагрудные гладит...
Это мой прадед.

Мать моя помнила мою прабабку, дочь Полисадова. Та была смуглая, властная, темноокая, со следами высокогорной красоты.

«Прапрадед твой – Андрей Полисадов, – писала мне мама, – был настоятелем одного из муромских монастырей, какого, не помню. Бабушка говорила, что его еще мальчиком привезли как грузинского заложника, затем, кажется, он воспитывался в кадетском корпусе, а потом в семинарии. Когда дети Марии Андреевны приехали в Киржач, все говорили: “Грузины приехали...”»